

УДК 316.4

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-107-115

ГУРБА Владимир Николаевич
Институт социологии и регионоведения
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
desp@ufo.gov.ru

Vladimir N. GURBA
Institute of Sociology and Regional Studies
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
desp@ufo.gov.ru

КОНОВАЛОВ Валерий Николаевич
Институт социологии и регионоведения
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
kwn_2006@mail.ru

Valery N. KONOVALOV
Institute of Sociology and Regional Studies
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
kwn_2006@mail.ru

**УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ГОСУДАРСТВА И КОРПОРАЦИЙ В РОССИИ В
КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ**

**MANAGERIAL INTERACTIONS OF THE STATE
AND CORPORATIONS IN RUSSIA IN THE
NATIONAL SECURITY CONTEXT**

В статье анализируется развитие государственного корпоративизма в России, его предрасположенность к патерналистски ориентированной модели административной «управляемой демократии», к преобладанию корпоративно-ведомственных, узкоклановых интересов над общегосударственными. Отмечается, что корпоративизм в России имеет политэкономическую природу, позволяющую сравнивать российское государственное устройство с его «ресурсоориентированной» составляющей с моделью «государства налогоплательщиков». В статье исследуется современный этап корпоративизации, проявлением которой стало наличие формальных и неформальных механизмов согласования интересов, интенсификация обмена кадрами между властью и бизнесом. В статье анализируется качество государственного управления в России по шести параметрам, предлагаемым Международным индексом качества государственного управления (WGI) Всемирного банка. Они включают в себя: учет мнения граждан и подотчетность; политическую стабильность и отсутствие насилия; эффективность государственного управления; качество нормативной базы; верховенство закона; контроль коррупции. Исследование влияния неформальных отношений в управленческом взаимодействии государства (государства-рантье) и корпоративных структур подтверждает сопряженность активности в поисках ренты с коррупцией, с неэффективностью государственных расходов, с развитием демократии, возникновением авторитарных институтов, а также состоянием политической стабильности/нестабильности. Существует достаточно определенная корреляция влияния перечисленных факторов на состояние национальной безопасности в качестве ее угроз. Бюрократическая, «чиновническая» экономика, проблемы эффективности управленческой деятельности могут представлять собой угрозу национальной безопасности.

The article is devoted to the analysis of the development of state corporatism in Russia, its predisposition to a paternalistic-oriented model of administrative “managed democracy”, to the predominance of corporate, departmental, and narrow-clan interests over nation-wide interests. It is noted that corporatism in Russia has the political economy essence, which makes it possible to compare the Russian state structure with its “resource-oriented” component with the model of the “state of taxpayers”. The article investigates the current stage of corporatization, the manifestation of which was the availability of formal and informal mechanisms for coordinating interests, intensifying the exchange of personnel between government institutions and business-structures. The article analyzes the quality of Russian public administration according to six parameters proposed by the Worldwide Governance Indicators (WGI). They include: Voice and Accountability, Political Stability and Absence of Violence/Terrorism, Government Effectiveness, Regulatory Quality, Rule of Law, and Control of Corruption. The study of the influence of informal relations in the management interaction between the state (rentier state) and corporate structures confirms the conjugation of activity in seeking rent with corruption, inefficiency in public spending, with the development of democracy, the emergence of authoritarian institutions, political stability/instability. There is a fairly definite correlation of the influence of these factors on the state of national security as its threats. Bureaucratic economy, problems of management effectiveness may pose a threat to national security.

Ключевые слова: государственное управление, государственный корпоративизм, ресурсозависимое государство, неформальные отношения, управленческое взаимодействие, национальная безопасность, угрозы национальной безопасности

Keywords: public management, state corporatism, resource-dependent state, informal relations, managerial interaction, national security, threats to national security

Наряду с организациями политического представительства в систему функционального представительства включается такой структурный элемент, как корпорация.

Особенности демократических процессов в корпоративных структурах современной России в сравнительной ретроспективе уже рассматривались в статье, опубликованной в научном журнале «Космополис», под названием «Корпоративные особенности демократии в России» [1].

Демократизация, или диффузия, собственности, которая наблюдалась в развитых странах в XX в., не стала достоянием российского общества. Развитие корпоративного сектора экономической демократии показало свои специфические особенности при соблюдении некоторого общего вектора, присущего определенной группе стран, обремененной ресурсным изобилием.

Если мы обратимся к статистическим материалам Мингосимущества РФ и Минэкономики РФ, то обнаружим, что в 1994 г. доля в ВВП государственного сектора составляла 38%, а в 1996 г. - 23%. На долю приватизированных предприятий приходилось 37% и 39% соответственно и на долю изначально частных предприятий - 25% и 38% [2, с. 8]. В 2005 г. доля государства в экономике оценивалась на уровне 35%.

Процесс перераспределения собственности идет до сих пор, хотя и с некоторыми изменениями. В 2007 г. с помощью специальных законов, внесенных президентом РФ, были предоставлены особые полномочия и особые условия работы госкорпорациям, внесшим существенный вклад в перераспределение собственности, прежде всего государственных средств. В качестве таковых выступали и выступают крупные госхолдинги: «Газпром», РЖД, РАО «ЕЭС России», «Рособоронэкспорт», «Роснефть» и др.

По мнению В. Волкова, госкорпорации являются институциональным экспериментом, который представляет собой «персонифицированную государственную собственность» [3, с. 75-78]. Система взаимодействия бизнеса и власти сохраняла свою преемственность с точки зрения рентоориентированного поведения и преобладания в ней перераспределительного механизма, тем самым приобретая зрелые формы государственного корпоративизма.

По данным Федеральной антимонопольной службы России, в 2016 г. вклад государства и госкомпаний в ВВП составил уже 70%. Как цитирует доклад ФАС России, подготовленный для правительства РФ, газета «Ведомости», «со своей собственностью государство расстается неохотно. <...> Теперь государство не собирается расставаться с корпоративным контролем и хочет сохранить возможность влиять на управление» [4]. Таким образом, за последние полтора десятка лет доля частной собственности в российском ВВП сократилась почти вдвое.

Развитие корпоративизма в России имеет политэкономическую природу, которая позволяет сравнивать российское государственное устройство с его «ресурсоориентированной» составляющей с демократической моделью «государства налогоплательщиков». Здесь можно обратиться к структурообразующей идее Д. Асемоглу и Дж. Робинсона, противопоставляющих два типа государства - инклюзивное и экстрактивное [5]. Известный исследователь А.М. Эткинд называет первый тип «трудозависимым государством». Ученый считает: «Все состояние государства складывается из труда населения. У государства нет ничего другого, кроме налогов, которые люди платят ему со своего производительного продуктивного труда. Из этих средств, ресурсов, денег государство оказывает разные виды услуг, включая социальную помощь, производство публичных благ, заботу о безопасности и так далее». Второй тип государства - ресурсозависимое. Последнее «черпает, получает свои доходы из недр, которыми оно само непосредственно обладает и которые само непосредственно обрабатывает, возделывает, бурит и т.д. Это все независимая от населения область государственной деятельности. И есть население, которое стоит или лежит, или движется, активно работает далеко от этого сырья» [6]. А.М. Эткинд приводит данные российского правительства, согласно которым в современной России только 1% населения профессионально занят в топливно-энергетическом комплексе. Соответственно, руками 1% населения создается подавляющая часть национального богат-

ства (2/3 государственного бюджета). Натуральный ресурс, таким образом, неизмеримо важнее производительного труда населения.

Ресурсозависимое государство противопоставляется трудозависимому государству. В трудозависимом государстве налоговые поступления идут от граждан, которые являются источником благосостояния и власти, на самый верх государственной пирамиды, откуда обеспечиваются общественные интересы. Частью инклюзивных институтов (в терминах Асемоглу-Робинсона) обязательно являются защищенные права частной собственности, независимая судебная система и равные возможности для участия всех граждан в экономической активности; эти институты обеспечивают вход на рынок новых игроков и расширяют круг бенефициаров рыночной экономики. В ресурсозависимом государстве главным источником средств для государства является рента от сырьевых ресурсов. Исследователи, анализирующие ресурсозависимые государства, считают, что тем самым создаются предпосылки для доминирования в них государственной собственности. Естественным образом возникают необходимые условия для появления государства-рантье. Данный термин означает, по мнению его автора - иранского экономиста Х. Махдави, следующее: государство-рантье большую часть ВВП генерирует через природную ренту в условиях ее полной подконтрольности со стороны государства.

У государства-рантье возникают проблемы с эффективностью использования природной ренты, диверсификацией экономики, защитой прав собственности, открытостью экономики, с понижением уровня коррупции. Имеются серьезные недостатки во взаимоотношениях с политическими институтами и функционированием гражданского общества.

Специалисты, исследующие влияние государства-рантье на институты или его зависимости от них, отмечают сопряженность активности в поисках ренты с коррупцией, с неэффективностью государственных расходов, с развитием демократии, возникновением авторитарных институтов, а также состоянием политической стабильности/нестабильности. Существует достаточно определенная корреляция влияния перечисленных факторов на состояние национальной безопасности в качестве ее угроз. Р. Ульман, один из первых исследователей, кто обратил внимание на необходимость переопределения понятия безопасности, считает, что «угроза национальной безопасности есть действие или следствие событий. Во-первых, оно угрожает в течение короткого промежутка времени радикально ухудшить качество жизни населения государства; во-вторых, угрожает существенно сузить политический выбор для правительства или для частных и неправительственных субъектов (личностей, групп людей, корпораций) внутри государства» [7, с. 140].

В российском политологическом словаре понятие безопасности раскрывается через понятие национальной или государственной безопасности. Концепцию национальной безопасности сущностно выражает концепция национальных интересов. В последнем варианте Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (31.12.2015 г.) национальная безопасность определяется как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации» [8]. Затем идет расшифровка важных понятий концепции национальной безопасности:

- «национальные интересы Российской Федерации - объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития;

- угроза национальной безопасности - совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам» [8].

Стратегия национальной безопасности выделяет в качестве основных угроз государственной и общественной безопасности следующие интересующие нас аспекты:

- «преступные посягательства, направленные против личности, собственности, государственной власти, общественной и экономической безопасности;
- коррупция» [8].

Поскольку конфликтогенность государственного корпоративизма создает определенные угрозы для общества, приведем в полном виде положение Стратегии о главных направлениях обеспечения государственной и общественной безопасности. К ним относятся: «усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности и прав собственности, совершенствование правового регулирования предупреждения преступности (в том числе в информационной сфере), коррупции, терроризма и экстремизма, распространения наркотиков и борьбы с такими явлениями, развитие взаимодействия органов обеспечения государственной безопасности и правопорядка с гражданским обществом, повышение доверия граждан к правоохранительной и судебной системам Российской Федерации, эффективности защиты прав и законных интересов российских граждан за рубежом, расширение международного сотрудничества в области государственной и общественной безопасности» [8].

Рассмотрим подробнее ситуации, характеризующие влияние «персонифицированной государственной собственности» на коррупцию; политические институты; политическую стабильность/нестабильность.

Коррупция

На современном этапе корпоративизации стали появляться формальные и неформальные механизмы согласования интересов, более интенсивным становится обмен кадрами между властью и бизнесом. Шло движение в сторону так называемого «капитализма для своих» (*crony capitalism*). Наблюдался рост концентрации собственности, а также коррупции, в том числе в виде откатов. Ряд специалистов отмечают, что личные связи между представителями власти и бизнеса дают возможность получать свою долю доходов членами политического руководства в курируемых ими компаниях. Присвоение ренты принимает разнообразные формы: коррупционные платежи, покупка недвижимости для политической элиты, nepotизм, передача пакетов акций и других активов.

Механизмами контроля власти над бизнесом стало участие высокопоставленных ее представителей в советах директоров, советах акционеров, на экспертно-консультационных и топ-менеджерских должностях в корпоративных структурах.

Такая разновидность собственности порождает неформальные тесные связи политиков и бизнесменов. Наличие элементов тайного финансирования политических партий и подозрительно тесных связей между политикой и бизнесом квалифицируется как форма коррупции в Индексе странового риска (*Political and Risk Services*), который составляется авторитетной в научном сообществе организацией *Political and Risk Services (PRS)*, выпускающей с 1980 г. «Международный справочник по страновым рискам» («*International Country Risk Guide*»). Согласно мнению PRS, самой распространенной формой коррупции являются незаконные специальные платежи и взятки, связанные с импортными и экспортными лицензиями, контролем над обменом валютных курсов, налогообложением, защитой полицией, распределением кредитов. Помимо этого коррупцией является чрезмерное покровительство (патронаж), семейственность, подход «услуга за услугу» и т.д. Такие виды коррупции, по мнению PRS, представляют потенциально большие риски не только для иностранного бизнеса и стимулирования развития «черного рынка», они могут привести к народному недовольству. Крупные скандалы способны спровоцировать негативную реакцию населения и привести к падению или свержению руководства страны, масштабной реорганизации или реструктуризации политических публичных институтов или, на худой конец, нарушению закона и порядка, что сделает страну неуправляе-

мой, принесет нестабильность в политический процесс. Отметим, что по индексу восприятия коррупции Россия в 2015 г. находится на 119-м месте из 169 [9].

Оценка политической составляющей странового риска наряду с коррупцией включает в себя следующие 12 факторов: стабильность правительства (12 баллов); социально-экономические условия (12 баллов); инвестиционный профиль (риск экспроприации собственности, риск нарушения контрактов государством) (12 баллов); внутренний конфликт (12 баллов); внешний конфликт (12 баллов); коррупция (6 баллов); милитаризация политики (6 баллов); религиозная напряженность (6 баллов); закон и порядок (6 баллов); межэтническая напряженность (6 баллов); подотчетность демократических институтов (6 баллов); качество бюрократии (6 баллов). В совокупности получается 100 баллов [10].

Политические институты

Что касается политических институтов, то из их множества исследователи выделяют те, которые в наибольшей мере сопряжены с активностью государства-рантье в поисках ренты и взаимосвязаны между ресурсным изобилием и качеством институтов. Это «учет мнения граждан и подотчетность правительства», который включен в Международный индекс качества государственного управления (*WGI*) Всемирного банка. Всемирный банк с 1996 г. оценивает качество государственного управления в разных странах по шести параметрам:

1. *Учет мнения граждан и подотчетность* - понимание восприятия того, в какой степени граждане страны могут участвовать в выборе своего правительства, а также свободу выражения мнения, свободу ассоциации и свободу средств массовой информации.

2. *Политическая стабильность и отсутствие насилия* - совокупность представлений о вероятности дестабилизации или свержения правительства неконституционными или насильственными средствами, включая политически мотивированное насилие и терроризм.

3. *Эффективность государственного управления* - оценка восприятия качества государственных услуг, качества государственной службы и степени ее независимости от политического давления, качества разработки и осуществления политики и доверия к приверженности правительства к такой политике.

4. *Качество нормативной базы* - понимание восприятия способности правительства формулировать и внедрять обоснованные политики и нормативные акты, которые разрешают и стимулируют развитие частного сектора. Это предполагает уважение граждан и государства к учреждениям, которые регулируют экономические и социальные взаимодействия между ними.

5. *Верховенство закона* - понимание восприятия того, в какой степени агенты доверяют и соблюдают правила общества, в частности качество исполнения контрактов, права собственности, деятельность полиции и судов.

6. *Контроль коррупции* - фиксирует восприятие того, в какой степени государственная власть используется для получения личной выгоды, включая разные формы коррупции, а также «захват» государства элитами и частными интересами [11].

Так, по позиции «учет мнения граждан и подотчетность» показатели в оценке функционирования в Российской Федерации демократических институтов последовательно уменьшаются: с *-0,87 пп.* (2011 г.) до *-1,05 пп.* (2015 г.). Соответствующая оценка варьируется - от *-2,5* (слабая) до *2,5* (сильная) эффективность управления.

Минусовая зона оценки (слабая) характеризует и другие позиции Международного индекса качества государственного управления:

- политическая стабильность и отсутствие насилия - с *-0,99 пп.* (2011 г.) до *-1,05 пп.* (2015 г.);

- эффективность госуправления - с *-0,46 пп.* (2011 г.) до *-0,18 пп.* (2015 г.);

- качество нормативной базы - с *-0,36 пп.* (2011 г.) до *-0,52 пп.* (2015 г.);

- верховенство закона - с -0,74 пп. (2011 г.) до -0,72 пп. (2015 г.);
- контроль коррупции - с -1,04 пп. (2011 г.) до -0,86 пп. (2015 г.).

Специалисты стали отмечать, что складывающаяся модель корпоративистской олигархии выражает сужение демократической базы политических и экономических институтов и ведет к преобладанию корпоративно-ведомственных интересов над общегосударственными. Заметно стало влияние госкорпораций на функционирование Совета Федерации РФ и Государственной думы РФ. В политологическом дискурсе актуализировался методологический посыл: признание угроз от олигархическо-бюрократической политики. Олигархическо-бюрократическая политика обращается преимущественно к теневым методам лоббирования. Несмотря на возникающие время от времени вопросы о целесообразности дальнейшего использования такой организационно-правовой формы, как государственная корпорация, «персонифицированную государственную собственность» на уровне политического руководства отменять не собираются.

Политическая стабильность/нестабильность

Сохранению и укреплению политической стабильности способствует оптимальный баланс групп интересов, согласование их потребностей и их соответствие государственным или национальным интересам. «Олигархическая» группа интересов - узкий круг влиятельных собственников, осуществляющих свой контроль над большей частью экономических активов, продвигают свои интересы в органах власти как на федеральном, так и региональном уровнях.

Политическое взаимодействие, как отмечают исследователи, осуществляется в основном двумя видами взаимоотношений: иерархическим (господство/подчинение) и партнерским. Идея и социальная практика корпоративизма воспроизводит определенную модель взаимодействия государства и групп интересов, то есть представлены в институциональной структуре разных политических систем и режимов.

В историческом плане идея государства как органического целого берет свое начало в римском праве, где наряду с понятием «*Societas*», означавшим свободные договорные отношения между лицами, находящимися лицом к лицу (ассоциация, партнерство), существовало понятие «*Universitas*» (целостность, тотальность), означавшее объединение, созданное ради некоторой цели на основе их совместной собственности. Теория естественного права, сформировавшаяся в Новое время, переосмыслила понятие об обществе, имеющее уже иную, договорную структуру. Основой всякого образования общества является общественный договор («*Genossenschaft*» - *равенство, товарищество*), который постепенно вытеснил представление о правлении в форме «*Herrschaft*» (*господство, подчинение*). Исторически (традиционно) в России складывалась специфическая структура распределения собственности, механизма взаимодействия в обществе, соответствующего модели «*Herrschaft*», господства.

В результате сложившегося механизма взаимодействия представителей власти и бизнеса за рамками системы принятия политических и государственных решений остается все общество. Наиболее характерной чертой корпоративного капитализма является гибридное сочетание формального политического и неформального экономического взаимодействия. Иллюстрацией такой комбинации служит характеристика, данная венгерским исследователям Б. Мадьяром представителям политического истеблишмента в Венгрии, применимая и к российским реалиям. Автор считает, что «полигарх добывает себе нелегитимное состояние благодаря легитимной политической власти, в рамках политического бизнеса. В то время как его политическая власть публична, экономическая власть, состояние скрыты от общества. Его личное состояние, которого ранее не было, возникает благодаря занимаемому им политическому посту и принимаемым им решениям. <...> С помощью подставных лиц он создает и тайную сеть из земельных владений, недвижимости и предприятий. Иногда его частное состояние пополняется за счет миллиардов из общественных средств в форме псевдообщественных организаций и фондов

благодаря неформальным, то есть не поддающимся официальному прекращению полномочиям по принятию решений» [12, с. 71].

Как отмечает краснодарский исследователь Т.А. Халилов, «в постсоциалистической России неформальные практики составляют институциональное ядро политического порядка, а формальные процедуры являются его внешними проявлениями. Три из четырех изученных порядков содержат неформальное ядро. Система политических взаимодействий власти и бизнеса - асимметричная, но устойчивая. Система позволяет политико-административной элите контролировать поведение бизнеса, диктовать направленность, формы и механизмы взаимодействия, определять стратегию государственной политики» [13, с. 116].

В Международном индексе качества государственного управления эксперты Всемирного банка «*политическую стабильность и отсутствие насилия*» в Российской Федерации за 2015 г. оценивают отрицательным значением: *-1,05 пп.*, что ухудшает показатели по отношению к предыдущим годам [14].

В ряде отечественных исследований [15] поднимается тема роли корпоративного сектора в политическом взаимодействии с государственной властью и возросшей политической активностью корпораций в РФ. В процессе институционализации государственного корпоративизма и политизации крупного бизнеса России выявляются многочисленные изъяны в общественном развитии (бюрократизм, излишняя централизованность, коррупционность, неэффективность экономических и политических институтов и т.д.), что порождает многие ожидаемые опасности и угрозы национальной безопасности, то есть жизненно важным интересам личности, общества, государства.

Правовая среда и экономическая структура России носит специфический характер, что нередко вызывает желание сформировать особую «российскую» модель корпоративного управления. Ее особенными характеристиками является преобладание государственной власти над бизнесом. Об этом свидетельствуют правоприменительные действия исходя из политических мотивов, проявляющиеся в виде выборочного (заказного) инфорсменты в отношении «Юкоса» и других коммерческих компаний. Применение патрон-клиентарных отношений не способствует созданию и реализации эффективного законодательства, затрудняет «фильтрацию» узкогрупповых интересов политического, популистского, мафиозного и иного характера. В российской практике наблюдается доминирование неформальных политических институтов, подзаконных преференций, преобладание бюрократического корпоративизма в политической сфере, сокращение демократического потенциала структур гражданского общества.

Таким образом, возможности государственного корпоративизма, «управляемой демократии», продолжают не только сохраняться, но и расширяться, привнося тем самым проблемность в обеспечение национальной безопасности Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Коновалов В., Любашиц В. Корпоративные особенности демократии в России // Космополис. - 2007. - № 2 (16). - С. 136-147.
2. Conference on «Corporate Governance in Russia». Moscow, May 31 - June 2, 1999. - Moscow, 1999. - Р. 8.
3. Волков В. Госкорпорации: институциональный эксперимент // Pro et Contra. - 2008. - № 5-6 (43). - С. 75-88.
4. См.: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/09/29/658959-goskompanii-kontroliruyut-ekonomiki> [Электронный ресурс].
5. Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. - М., 2016. - 696 с.
6. См.: <http://www.forbes.ru/sobytiya/ekonomika/316685-aleksandr-etkind-vlast-chuzhda-vsem> [Электронный ресурс].

7. Конышев В.Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории. - СПб.: Наука, 2004. - 372 с.
8. <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> [Электронный ресурс].
9. См.: http://carnegie.ru/2017/03/28/ru-pub-68411?mkt_tok=eyJpLjoi...czdGh6MnpOZE14TzhScFkzaGhZYjhcL2UrMWM0blklQ%3D%3D [Электронный ресурс].
10. См.: <https://www.prsgroup.com/wp-content/uploads/2012/11/icrgmethodology.pdf> [Электронный ресурс].
11. См.: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/pdf/wgi.pdf> [Электронный ресурс].
12. Мадьяр Б. Анатомия посткоммунистического мафиозного государства: на примере Венгрии. - М.: Новое литературное обозрение, 2016. - 392 с.
13. Халилов Т.А. Баланс формальных и неформальных практик политического взаимодействия власти и бизнеса в постсоциалистической России // Власть. - 2016. - № 9. - С. 113-116.
14. См.: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/pdf/wgi.pdf> [Электронный ресурс].
15. Сакаева М.М. Крупный бизнес и государство при Путине (трансформация агентских отношений) // Полития. - 2013. - № 4. - С. 94-105; Медведева Л.Е. Группы интересов в формировании политики национальной безопасности Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. - СПб., 2006; Гермаш Т.А. Политическое взаимодействие государственной власти и бизнеса в России: становление корпоративистской модели: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. - Ростов н/Д, 2011; Дорина Е.А. Взаимодействие государства и бизнес-корпораций в современной России: политико-административные ресурсы и модели развития: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. - М., 2013; Капкина А.В. Политическое позиционирование крупного российского бизнеса: механизмы и цели: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. - М., 2015; Пепелов С.Т., Чернов А.И. Взаимодействие власти и бизнеса в современной России: начало формирования институциональных основ // Власть. - 2016. - № 3. - С. 87-92.

REFERENCES

1. Kononov V., Ljubashic V. Korporativnye osobennosti demokratii v Rossii. [Corporate Features of Democracy in Russia]. Kosmopolis = Cosmopolis. 2007, No. 2 (16), pp. 136-147.
2. Conference on «Corporate Governance in Russia». Moscow, May 31 - June 2, 1999. Moscow. 1999. P. 8.
3. Volkov V. Goskorporacii: institucional'nyj jeksperiment. [State Corporation: Institutional Experiment]. Pro et Contra, No. 5-6 (43), September-December 2008, pp. 75-88.
4. Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/09/29/658959-goskompanii-kontroliruyut-ekonomiki>
5. Acemoglu D., Robinson J. Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. [Why Nations Fail]. Moscow. 2016. 696 p.
6. Available at: <http://www.forbes.ru/sobytiya/ekonomika/316685-aleksandr-etkind-vlast-chuzhdavsem>
7. Konyshev V.N. Amerikanskij neorealizm o prirode vojny: jevoljucija politicheskoy teorii. [American Neo-Realism about the Nature of War: the Evolution of Political Theory]. Saint-Petersburg: Nauka = Science. 2004. 372 p.
8. Available at: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>
9. Available at: http://carnegie.ru/2017/03/28/ru-pub-68411?mkt_tok=eyJpLjoi...czdGh6MnpOZE14TzhScFkzaGhZYjhcL2UrMWM0blklQ%3D%3D
10. Available at: <https://www.prsgroup.com/wp-content/uploads/2012/11/icrgmethodology.pdf>
11. Available at: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/pdf/wgi.pdf>
12. Magyar B. Anatomija postkommunisticheskogo mafioznogo gosudarstva: na primere Vengrii. [Anatomy of the Post-Communist Mafia State: the Example of Hungary]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie = New Literary Review. 2016. 392 p.
13. Khalilov T.A. Balans formal'nyh i neformal'nyh praktik politicheskogo vzaimodejstvija vlasti i biznesa v postsocialisticheskoy Rossii. [Balance of Formal and Informal Practices of Political Interaction between Government and Business in Post-Socialist Russia]. Vlast' = Power. 2016, No. 9. Pp. 113-116.
14. Available at: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/pdf/wgi.pdf>
15. Sakaeva M.M. Krupnyj biznes i gosudarstvo pri Putine (transformacija agentskih otnoshenij). [Large Business and the State under Putin (Transformation of Agency Relations)]. Politija = Politia. 2013.

No. 4. Pp. 94-105. Medvedeva L.E. Gruppy interesov v formirovanii politiki nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii. [Groups of Interests in the Formation of the National Security Policy of the Russian Federation]. Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk = Author's Abstract of Dis. ... of Cand. of Polit. Sciences. Saint-Petersburg, 2006; Germash T.A. Politicheskoe vzaimodejstvie gosudarstvennoj vlasti i biznesa v Rossii: stanovlenie korporativistskoj modeli. [Political Interaction of State Power and Business in Russia: the Formation of a Corporate Model]. Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk = Author's Abstract of Dis. ... of Cand. of Polit. Sciences. Rostov-on-Don, 2011; Dorina E.A. Vzaimodejstvie gosudarstva i biznes-korporacij v sovremennoj Rossii: politiko-administrativnye resursy i modeli razvitija. [Interaction between the State and Business Corporations in Modern Russia: Political and Administrative Resources and Development Models]. Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk = Author's Abstract of Dis. ... of Cand. of Polit. Sciences. Moscow, 2013; Kapkina A.V. Politicheskoe pozicionirovanie krupnogo rossijskogo biznesa: mehanizmy i celi. [Political Positioning of Large Russian business: Mechanisms and Goals]. Avtoref. dis. ... kand. polit. nauk = Author's Abstract of Dis. ... of Cand. of Polit. Sciences. Moscow, 2015; Pepelov S.T., Chernov A.I. Vzaimodejstvie vlasti i biznesa v sovremennoj Rossii: nachalo formirovaniya institucional'nyh osnov. [Interaction of Power and Business in Modern Russia: the Beginning of the Formation of Institutional Foundations]. Vlast' = Power. 2016. No. 3. Pp. 87-92.

Информация об авторах:

Гурба Владимир Николаевич, доктор социологических наук, заведующий кафедрой конфликтологии и национальной безопасности, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
desp@ufo.gov.ru

Коновалов Валерий Николаевич, доктор философских наук, профессор, кафедра конфликтологии и национальной безопасности, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
kwn_2006@mail.ru

Получена: 23.06.2017

Для цитирования: Гурба В.Н., Коновалов В.Н. Управленческие взаимодействия государства и корпораций в России в контексте национальной безопасности. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 1. с.107-115.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-107-115.

Information about the authors:

Vladimir N. Gurba, Doctor of Sociological Sciences, Head of Department of Conflict Studies and National Security, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
desp@ufo.gov.ru

Valery N. Konovalov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Conflict Studies and National Security, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
kwn_2006@mail.ru

Received: 23.06.2017

For citation: Gurba V.N., Konovalov V.N. Managerial interactions of the state and corporations in Russia in the national security context. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 1. Pp. 107-115.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-107-115. (in Russian)